

МЫ привыкли говорить о нашем времени так: эпоха строительства коммунизма. Мы привыкли говорить о нашем искусстве: часть общего дела. Но прислушаемся: мы строим будущее.

С тех пор, как через мощь мысли Маркса и Ленина История впервые осознала себя, с тех пор, как она закрепила это осознание в революционном движении эпохи, можно говорить уже не просто о процессе, о развитии, а с полным правом — о результате. И это исторически неоспоримо!

Необыкновенность нашей эпохи нужно понять и почувствовать. Лозунги нашего времени, его прогрессивные идеи не имеют эквивалента в прошлом. Они неповторимы ни по форме, ни по содержанию. Без этого ощущения — ощущения исторического скачка, который мы переживаем... нет, мы-то как раз не «переживаем», а сами осуществляем его на земле, скачка из классовых форм общества в «подлинную историю человечества», без этого ощущения «горизонта жизни» нет и подлинного чувства современности.

Для нашего киноискусства глубоко символичен тот факт, что оно возникло почти одновременно с новым государством — Союзом Советских Социалистических Республик, пятидесятилетие которого было столь торжественно отмечено во всем мире. С первой же минуты своего возникновения советский кинематограф глубочайшим и неотрывным образом связан с судьбой страны, со всеми ее бедами и радостями. Уже первые свои шаги — в опытах Кулешова, в эксцентризме Эйзенштейна — кинематограф наш делал в благоприятной атмосфере поисков и доброжелательного внимания. Поэтому его настоящее рождение кажется столь сказочно блестящим. «Бронено-

«ЗАВЕРБОВАНЫ» БУДУЩИМ

Марк ДОНСКОЙ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

сеп «Потемкин» выплывал на экране уже в полном всеоружии революционных идей и форм. И когда мы, вскочив с мест, яростно аплодировали медленно уходящему за экран вздыбившемуся кораблю и горящему на черно-белом полотне красному флагу, мы чувствовали, что перед нами открывается магистраль социалистического искусства. Если, как сказал Маяковский, «партия — это мозг класса», то в этот момент мы поняли, что наше искусство должно стать его органами чувств, биотоками, подчиненными этому мозгу, трепетной его душой.

Так оно и было. История советского кино — это история освоения все новых и новых сфер душевной жизни миллионов трудовых людей, история формирования в них коммунистических идеалов.

Сергей Эйзенштейн лучше других уловил и передал с экрана музыку революции, общее звучание исторического процесса.

Вдумчивый Всеволод Пудовкин внимательно и подробно рассматривал в объектив, как в душе одного человека рождается чувство причастности к своему классу, к его судьбе и его делу.

Трепетный Александр Довженко воспел эпическую прелесть революции, единство в ней национального и интернационального.

Неутомимый Дзига Вертов темпераментно и неожиданно открывал нам красоту и величие каждодневности...

Так, с разных сторон, в разных манерах, разными художественными средствами наше кино освещало своим волшебным лучом богатство народной жизни и тем значительно умножало это богатство и двигало время вперед.

Я с удовольствием вспоминаю те далекие теперь годы. Средний возраст кинематографистов тогда едва ли превышал — а если и превышал, то едва ли намного — «рубеж гениальности» — тридцатилетие. Не обходилось без «завихрений» и яростных споров. Не обошли эти «завихрения» и меня. Когда мне с оператором Н. Стражем дали первые 200 метров пленки (это было на 3-й кинофабрике в 1931 году), мы ею воспользовались, чтобы, снимая, ставить камеру как угодно, но только не прямо...

К счастью, эта «детская болезнь левизны» не затянулась, и вскоре под влиянием ответственности перед зрителем она прошла совсем, оставив лишь иммунитет против фальшивой сложности.

Мудрец Гете бог весть как давно писал: «В основе все мы — существа коллективные, что бы мы там ни воображали. Ибо как мало найдется у нас я в нас того, что можно было бы по чистой совести назвать нашей собственностью. Мы все должны учиться как от тех, кто был до нас, так и от тех, кто сейчас с нами... Я обязан моими произведениями отнюдь не одной только собственной мудрости, а тысячам людей и обстоятельству вне меня, давших мне для них материал».

Сейчас, когда земной шар словно сжался и стал таким тесным, что уже не может быть не только жизни человека, отдельной от жизни его страны, но и жизни одной страны, отдельной от жизни всего остального мира, — в наше время уже все человечество можно считать полноправным соавтором каждого художника. Если уважаешь своего «соавтора», то не бу-

дешь ни упрощать, ни искусственно усложнять сказанное для него и вместе с ним слово. Только в этом случае оно имеет смысл, только тогда дойдет оно до своего адресата — человеческого сердца, а не прогорит вхолостую.

Сегодня на Западе с завидной энергией делается многое, чтобы «озверить» человека. Такой «озверевший человек» легче поддается управлению: вместо сложной психологической партитуры разнообразных мотивов поведения — всего две-три кнопки простейших инстинктов. Нажимая на них, можно, например, многие годы подряд посылать миллионы здоровых и молодых людей, чтобы они методично истребляли какой-нибудь маленький, но непокоряющийся народ. Вот почему я думаю, что огромное количество ежегодно выпускаемых фильмов-ужасов — это не только и не столько коммерция, сколько политика.

Вот почему «фильм о любви», защищающий ее высокое личное и общественное предназначение, может стать и горячим политическим фильмом. Именно это я надеялся вложить в мою «Надежду» — картину, которую я сейчас заканчиваю на Киностудии имени Горького, рассказывающую историю любви двух революционеров — Владимира Ульянова и Надежды Крупской.

Волна девальвации духовных ценностей в буржуазном обществе, ощущение собственного бессилия перед мощью враждебного государства порождает у многих его художников весьма печальный взгляд на историю. Эти профессиональные пессимисты от искусства в бурях и штормах прошлых столетий отказываются видеть одну магистральную линию, а именно, тяжело, зигзагообразно, мучительно продвигающегося к себе Человека, процесс «очеловечивания человека», как это прекрасно сказано у Маркса.

В 1972 году ЦК партии принял два важных постанов-

ления, под знаком которых будет протекать развитие нашего искусства в новом году. Я имею в виду известные постановления о критике и о кинематографе. Я думаю, что со временем действие их будет все более ощутимым. Партия призвала нас более активно, более глубоко и творчески использовать возможности социалистического искусства. Мы обязаны откликнуться на этот призыв, и не словами, а делом!

Что же касается тех определений, которые время от времени все еще доносятся с той стороны: «купленные», «завербованные» и так далее, то не будем опровергать их. Да, мы «куплены» той «работой ада», которую за полвека проделал народ наш под руководством Коммунистической партии. Да, мы «завербованы» тем великим коммунистическим будущим, которому мы радостно служим.

На огромном полиэкране мира в яростной полувековой схватке идей и событий, несмотря ни на что, развивается и крепнет гордая наша тема «очеловечивания человечества», тема мира, труда и интернационального братства. Мне радостно сознавать, что все общечеловечески значимое, все эстетически ценное, все прогрессивное, все, что служит добру, красоте и истине, оказывается на нашей стороне баррикады.

Мы еще многому не научились — не научились еще в полной мере использовать тягу к нам всего талантливого и честного на Западе.

Мы еще не научились с должным блеском пропагандировать у себя и за границей наше искусство, его новаторские поиски и необыкновенные результаты.

Мы еще не научились в своем искусстве с должной мудростью отражать глубины происходящих в обществе процессов.

Нам еще многому нужно учиться, но главное у нас есть — правда, очеловечивающая человечество,